

ничества отдельным лицом, в коллективе, в масштабе государства.

На самом деле признаки рыночной экономики гораздо разнообразнее, чем мы изложили в кратком перечне. Для нас важно рассмотреть не перечень признаков рыночной экономики, а их реальное воплощение, конкретное проявление в экономике и общественной жизни республик Центральной Азии. Реализуются ли они вообще в этих республиках.

Можно ли утвердительно сказать, что перечисленные признаки рыночной экономики успешно реализуются или уже реализованы в государствах ЦА? Нет, не реализуются. В таком случае возникает вопрос, какую же экономику создают республики Центральной Азии, если не рыночную?

Во всяком случае, даже в отношении Казахстана, наиболее продвинутого в формировании рыночной экономики, об успешном завершении формирования говорить утвердительно еще преждевременно.

Так какую же экономику формируют республики ЦА, в том числе Кыргызстан, если уже очевидно, что не рыночную?

Очень сложно дать однозначное определение, поскольку нет ни одной завершенной системы экономики. Лишь в отношении Ка-

захстана можно с определенностью сказать, что республика находится на этапе транзитного перехода к рыночной экономике. У всех остальных центральноазиатских республик мы обнаруживаем отдельные признаки планово-распределительной экономики, постсоветской экономики, государственного капитализма, коммерческой экономики, национальной самостоятельности, рыночной экономики и даже пострыночной экономики.

Таким образом, если республики Центральной Азии действительно намерены формировать рыночную экономику, то предвременно следует определить ее признаки и добиваться соответствия этим признакам. Одни лишь декларации о формировании рыночной экономики не дадут результатов, что и подтверждается 20-летней историей суверенных государств.

Чем продолжительнее будет период неопределенности развития экономики в центрально-азиатских государствах, в частности в Кыргызстане, тем продолжительнее будет и период формирования рыночной экономики, о создании которой декларируют в республике.

Октябрь 2011 г.

ПРОСТРАНСТВЕННО-СТРУКТУРНАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ ЭКОНОМИКИ: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

М. А. Баяндин, канд. экономич. наук, доцент,
Павлодарский государственный университет им. С.Торайгырова

Экономический подъем в Казахстане, продолжавшийся с конца прошлого века, в минувшие годы оказался прерван. Экономика Казахстана, как и все другие экономики мира, вошла в полосу финансово-воспроизводственного кризиса. В этих условиях первоочередной задачей науки, государства и бизнеса стала, естественно, разработка и реализация мер, направленных на его преодоление. Поэтому в нынешней ситуации чрезвычайно важно иметь четкие представления о том, каков оптимальный путь развития экономики и

что нужно предпринимать в целях продвижения по нему в кризисный и последующие периоды.

Сложившаяся в стране модель организации экономического пространства не позволяет ей выйти на новый уровень эффективности. Эта модель сформировалась в эпоху централизованного планирования, но и сейчас пространственно-структурная неоднородность экономики является ограничением её развития. Пространственно-структурная не-

однородность способна оказывать влияние на все аспекты экономического развития.

Для любого сложного экономического пространства характерна неоднородность. Однако при высоком уровне неоднородности развитие всей системы затруднено. За последние 20 лет возросла дифференциация регионов, имеющих значительные запасы природных ресурсов или развитую промышленность, и регионов, не обладающих конкурентоспособными факторами производства [1].

Вместе с тем в казахстанской экономике под прочно утвердившуюся экспортно-сырьевую модель развития подстраивается и деформируется вся система хозяйствования и распределительных отношений. Такая ситуация поддерживает сложившуюся пространственно-структурную неоднородность экономики, сдерживает поворот к инновационному развитию. Консервативный и инерционный характер казахстанской экономической политики необходимо преодолеть с тем, чтобы обеспечить стратегический поворот к инновационной модели, основанной на использовании интеллектуального потенциала страны.

Оценка взаимосвязи экономического развития и пространственно-структурной неоднородности экономики является одной из сложнейших проблем, исследуемых в настоящее время наукой. В экономической литературе отсутствует трактование термина «пространственно-структурная неоднородность экономики». Именно поэтому принципиально важным считаем рассмотрение вопроса о сущности и содержании категории пространственно-структурной неоднородности экономики.

Высокая пространственно-структурная неоднородность экономики Казахстана генерирует противоположные тенденции, создает институциональные и технологические барьеры.

В результате институциональных изменений усиливаются внутренние угрозы в сложившейся структуре экономики, где получают положительные результаты экономических взаимодействий, при одновременной аккумуляции проблем и диспропорций на периферии.

Относительно сущности понятия пространственно-структурной неоднородности экономики следует сделать акцент на неодно-

родности, которая способна оказывать влияние на всю экономическую систему, многократно усиливая контртенденции. Неоднородность в экономике проявляется в ресурсных, структурных, институциональных аспектах. К особым формам воспроизводящейся неоднородности относятся фрагментарность, многоукладность национального хозяйства, дезинтеграция связей. Пространственно-структурная неоднородность нарушает взаимосвязи между элементами системы и усиливает национальную или региональную специфику. Она может быть зафиксирована в сложившихся понятиях неустранимости влияния естественного фактора природно-ресурсной неоднородности.

При анализе пространственной структуры экономики особое внимание обычно уделяется существенной межрегиональной дифференциации значений душевых показателей производства и потребления, являющихся главным критерием отнесения тех или иных регионов к с высоким, средним или низким уровнем развития. Такая классификация кажется вполне естественной при межстрановых сопоставлениях. Но в условиях одной страны, где во всех регионах используются примерно одинаковые техника и технологии производства и не может быть значительных различий в уровнях образования и квалификации трудовых ресурсов, дифференциацию душевых показателей можно объяснить лишь сложившейся специализацией регионов в производстве тех или иных товаров или иных товаров или услуг. Основу межрегиональной дифференциации определяют многократные «межотраслевые» различия в показателях производительности труда, измеряемой величиной добавленной стоимости в расчете на одного занятого [2].

Экономическое благополучие региона обусловлено не техническим уровнем производства, а тем, насколько сконцентрированы на его территории наиболее выгодные виды экономической деятельности.

Другой важнейший фактор экономического благополучия – наличие на территории региона уникальных природных ресурсов. Сочетание указанных факторов обусловило чрезвычайно высокую концентрацию суммарного ВРП в четырех субъектах республики (табл. 1).

Неоднородность в экономике проявляется также в региональных различиях развития. На сегодняшний день экономическое неравенство областей Республики Казахстан становится самостоятельным фактором, сдерживающим

рост валового продукта как на уровне регионов, так и на макроуровне. Более того, в долгосрочном периоде негативному влиянию подвергаются и темпы экономического роста.

Таблица 1 - Валовой региональный продукт на душу населения, тыс. тенге

Регион (область)	2003 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.
Республика Казахстан	277,6	454,5	829,9	1068,0
Акмолинская	155,5	233,6	543,2	709,3
Актюбинская	300,5	553,3	970,5	1193,1
Алматинская	120,2	181,9	337,4	460,3
Атырауская	1123,7	1607,4	2541,7	3881,6
Западно-Казахстанская	332,9	606,2	1006,2	1324,2
Жамбылская	96,6	151,0	262,8	336,3
Карагандинская	284,6	463,6	853,5	1123,5
Костанайская	219,5	323,1	624,5	815,3
Кызылординская	195,8	357,6	794,7	937,4
Мангистауская	605,7	1092,7	1896,2	2542,5
Южно-Казахстанская	116,2	145,5	265,2	384,8
Павлодарская	319,8	470,3	794	1150,8
Северо-Казахстанская	153,5	246,8	487,4	625,5
Восточно-Казахстанская	199,6	291,5	563,4	693,6
г. Астана	568,7	1192,6	1927,0	2075,2
г. Алматы	643,4	1090,5	2048,9	2293,1
Коэффициент вариации, %	78,70	77,13	69,95	73,34

Примечание – составлено автором по источнику [3].

Содержание понятия пространственно-структурной неоднородности отражает неэффективность организованной экономической системы, нарушение взаимосвязей элементов единого целого. Содержание – более конкретная и более динамичная категория. Содержание пространственно-структурной неоднородности определяется действием различных факторов и не остается неизменным с течением времени.

Содержание экономической структуры не только динамично, но и субъективно, то есть во многом зависит от субъекта исследования, его целей, задач, которые он ставит перед собой.

Число факторов, обуславливающих пространственно-структурную неоднородность экономики, велико, а само влияние противоречиво, многоступенчато, разнонаправленно. По характеру, глубине и последовательности воздействия их можно условно делить на первичные и вторичные.

К первичным или базовым факторам относятся:

неравномерность в размещении природных ресурсов и различия в природно-климатических условиях;

исторически сложившиеся различия в уровнях экономического и культурного развития регионов.

Базисные факторы отражают структурные изменения в пространственной организации экономической жизни, в том числе в пространственно-экономических структурах различного уровня, в технологических институциональных устройствах и способах реализации накопленного потенциала преобразований.

К вторичным:

рост абсолютных размеров производства и его концентрация, развитие крупносерийного и крупномасштабного производства, а также производства в малых формах, эмпирическое выявление его оптимальных размеров;

рост диверсификации промышленного производства;

рост масштабов научно-технических работ и их прогрессирующая диверсификация [4].

Если первоначально формирование и развитие экономики Казахстана происходило, в основном, под воздействием первичных факторов, то в современных условиях их роль относительно уменьшается и, хотя окончательно не утрачивает своего значения, но в значительной степени уступает место влиянию вторичных факторов, роль которых все более возрастает по мере развития НТП. Приобретение научно-техническим прогрессом роли доминирующего фактора в интернационализации производства во многом меняет традиционный подход, ставя под сомнение упрощенный вариант теории, связывающий внешнюю торговлю с наделенностью факторами производства. В этом контексте осуществляется подход и к факторам производства, которые традиционно считались приоритетными в определении места страны в международном разделении труда, это – наличие природных ресурсов, дешевая рабочая сила, емкий внутренний рынок.

Тенденции развития современного мирохозяйственного процесса показывают, что отношение к ним постепенно меняется. В частности, это относится к фактору наличия природных ресурсов, который долгое время считался одним из важнейших показателей, определяющих место страны в международном разделении труда. Причина заключается не только в том, что НТП стремительно преобразует топливно-сырьевую базу производства и довольно быстро вводит в оборот различные заменители, синтетические материалы и т.п. Опыт таких стран, как США, Япония, Швейцария и др., наводит ученых на мысль, что богатство природных ресурсов может иметь и отрицательное воздействие: порождая весьма легкие формы интеграции в международном разделении труда, оно задерживает мобилизацию других ресурсов, оттягивает развитие отсталых потенциалов, которые в современных условиях могут оказаться более важными и перспективными (интенсификация производства, НТП, человеческий фактор и т.п.) [5]. Все чаще показатели природных богатств рассматриваются в сочетании с оценками материалосберегающих тенденций.

Что касается роли трудовых ресурсов в определении мирохозяйственных позиций стран, то зарубежные исследователи до недавнего времени, как правило, основное зна-

чение придавали их относительной дешевизне или дороговизне; считалось, что страна с наиболее дешевой рабочей силой оказывается в более выгодном положении. Отнюдь не всегда отбрасывая такой подход, западные экономисты сейчас, под влиянием в первую очередь НТП, гораздо больше внимания уделяют так называемому «человеческому фактору», уровню квалификации, дисциплинированности, наличию инновационного потенциала.

В условиях ускорения автоматизации производства, когда сокращается доля трудовых затрат в общих производственных расходах, наличие дешевой неквалифицированной рабочей силы перестает быть решающим фактором размещения производства в развивающихся странах. Все чаще предпочтение отдается квалифицированным, пусть даже и более дорогостоящим трудовым ресурсам.

Автоматизация производства и НТП меняют структуру сравнительных преимуществ многих стран. Это справедливо и в отношении такого структурообразующего фактора, как емкость внутреннего рынка. Издавна он занимает ведущее место среди других факторов, определяющих положение страны в мировом хозяйстве. Считалось, что чем он шире, тем больше возможности наладить и развивать массовое, крупносерийное производство, тем больше простора для всевозможных маневров и выше потенциал для решения проблем воспроизводства. В условиях НТП и интернационализации хозяйственной жизни подход к этому вопросу несколько изменился. Усиление специализации, рост дифференциации и индивидуализации продукции выталкивают производителей с национальных рынков на мировые. В результате в производстве, например, отрасли машиностроения большинства малых и средних промышленно развитых стран 75-90% выпускаемой продукции ориентировано на экспорт. Развитие же таких отраслей, как авиационная промышленность, производство ЭВМ, автомобилестроение и электроника, судостроение, станкостроение, химической отрасли даже для крупных индустриальных держав невозможно без ориентации на мировой рынок.

Сегодня становится важным другой ракурс проблем внутреннего рынка – насколько его структура, ценовые пропорции, организационные формы соответствуют параметрам ми-

рового рынка, настолько серьезными могут оказаться последствия вхождения в мировой рынок национального хозяйства.

Таким образом, мы видим, что происходит пересмотр основных критериев и показателей, характеризующих мирохозяйственные позиции страны (и даже способность своевременно это выявить), что становится немаловажным фактором укрепления этих позиций. Если раньше особое значение придавалось «правильной» долгосрочной специализации хозяйства в рамках международного разделения труда, то теперь этот критерий растворяется среди множества других, большинство из которых отражает различные элементы нового понимания конкурентоспособности, которые можно было бы сформулировать как «способ самогенерировать улучшение своих мирохозяйственных позиций». Такая трактовка отражает основные сдвиги, происходящие на Западе в анализе и оценке положения отдельной страны в мировом хозяйстве. Отмирает прежнее представление, будто интернационализация экономики автоматически приносит выгоды всем его участникам. К мирохозяйственным отношениям – теперь уже и в теории – подходят как к сложной борьбе, требующей серьезных дополнительных усилий и немалой подготовки. Объектом экономического анализа и выработки хозяйственной политики все чаще оказывается хозяйство страны в целом, а не отдельные его звенья. При прежнем подходе анализ проводится преимущественно на микроуровне отдельных отраслей, теперь он постоянно сочетается с изучением более широкого спектра компонентов конкурентоспособности страны в целом. Если раньше считалось, что такие детерминанты, как природные и трудовые ресурсы, внутренний рынок, соотношение издержек и цен являются решающими при оценке долгосрочных перспектив страны в мировом хозяйстве, то сейчас широко признается как относительность самих этих показателей, так и необходимость более полного учета и других факторов – не только структурных и научно-технических, но и социально-культурных, управленческо-административных, политических и т.п. В прежних исследованиях исходили из анализа объективных факторов, на основе которых статично определялось положение страны в мировом хозяйстве. Теперь, не отвергая такой

подход, стремятся больше внимания уделять тому, как целенаправленные действия могут изменить или повлиять на будущую обстановку. На смену представлениям о сравнительно стабильной специализации в рамках медленно преобразующегося международного разделения труда приходит осознание необходимости постоянно приспосабливаться к быстро меняющейся мирохозяйственной ситуации и одновременно важности обеспечения своих позиций на средне- и долгосрочную перспективу. Место страны в мировом хозяйстве рассматривается не просто как итог объективно складывающейся ситуации (наделенности факторами производства, наличия сравнительных преимуществ и т.п.), но и как результат целенаправленных усилий каждой страны. Существует мнение, что ее «сравнительные преимущества» являются отчасти следствием государственной политики, проводимой на протяжении определенного промежутка времени [6].

Источники

1. Кошанов, А. Национальные экономические интересы и отношения собственности. - Алматы: Эксклюзив, 2009. – 535 с.
2. Нурланова, Н.К. Региональная парадигма устойчивого развития Казахстана: проблемы теории и практики: Алматы: Институт экономики КН МОН РК, 2009. – 328 с.
3. Регионы Казахстана в 2009 году: статистический сборник / Под ред. А.А. Смаилова. – Астана, 2010. – 410 с.
4. Алимбаев, А.А., Притворова, Т.П. Стратегическое планирование развития региона в мировой, национальной, региональной экономических системах. - Караганда: ТОО «Санат-Полиграфия», 2008. – 446 с.
5. Maria Abrey, Henri L.F. de Groot and Raymond J.G.M. Florax. Space and Growth: A Survey of Empirical Evidence and Methods // Region et Developpement. - 2005. - №21.
6. Аймагамбетов, Е.Б., Алимбаев, А.А., Притворова, Т.П. Устойчивое развитие социально-экономической системы региона. – Караганда, 2006. – 526 с.

Октябрь 2011 г.